

Максимов Александр Яковлевич

**Наши задачи на Тихом
океане**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Яковлевич М.**
Наши задачи на Тихом океане / Максимов Александр Яковлевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 125 с.

ISBN 978-5-519-94878-4

ISBN 978-5-519-94878-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Уже издавна Россія начала стремиться къ свободнымъ морямъ и океанамъ. Это стремленіе, съ самаго его начала, три вѣка тому назадъ, приняло поразительный, стихійный характеръ. Россія ширилась къ окружающимъ морямъ неудержимо, подъ давленіемъ, какъ будто, неотразимаго наитія свыше.

Хорошо извѣстно, что первыми русскими піонерами движенія на далекій Востокъ были удальцы-казаки, съ незабвеннымъ Ермакомъ во главѣ. Люди невѣжественные, отверженные закономъ за былины преступленія, оказались охваченными жаждой славныхъ дѣлъ въ духѣ русскаго богатырства. Вдохновленные Ермакомъ, они задумали совершить безпримѣрный подвигъ—пробиться, черезъ необъятную, невѣдомую Сибирь, къ Великому океану. Удальцы-казаки, двинувшись на Востокъ, даже не подозревали всей трудности задуманнаго геройскаго предпріятія; они совершенно не сознавали также, что пробиваются своею богатырскою грудью титаническій путь, которымъ польется современемъ къ Тихому океану могучая русская жизнь. Мы

не станемъ останавливаться на удивительной исторіи легендарнаго движенія напихъ славныхъ піонеровъ на крайній Востокъ: она знакома почти каждому грамотному патріоту, свято хранящему въ своемъ сердцѣ память о народномъ героѣ Ермакѣ Тимофѣевичѣ...

Петръ Великій, прорубилъ окно въ Европу, хорошо сознавъ въ свое время, что отвоеванныя имъ моря, Балтійское и Черное,—моря замкнутыя, въ которыхъ негдѣ будетъ развернуть во всю ширь могучую силу создаваемыхъ имъ флотовъ. Недаромъ окинулъ онъ орлинымъ взоромъ сѣверъ, силясь найти тамъ лучшія географическія и стратегическія условія; недаромъ, наконецъ, поощрялъ національное движеніе на крайній востокъ, по пути, пробитому удальцами Ермака. Великій геній Петра искалъ, несомнѣнно, свободный океанъ, къ которому могла бы припасть Россія своею широкою богатырскою грудью.

Послѣ трехвѣкового, единственнаго въ исторіи Человѣчества, наступательнаго движенія русской народности на востокъ, Россія прочно встала на берегахъ Великаго океана; но Камчатка съ Петропавловскимъ портомъ, а также Амуръ съ Николаевскимъ портомъ не могли удовлетворить государственнымъ и политическимъ нуждамъ имперіи. Явилась неотложная надобность приблизиться къ Китайскому морю—импульсу всей тихоокеанской коммерческой дѣятельности. Явилась потребность въ аванпостѣ, удобномъ для наблюденія за быстро развивавшеюся политическою жизнью азіатскихъ державъ крайняго Востока. Наши государственные люди начали сознавать необходимость дальнѣйшаго движенія русскаго господства съ сѣвера на югъ,

по берегу Великаго океана, къ широтѣ, гдѣ можно отыскать незамерзаемый портъ, столь нужный для имперіи. Приобрѣтя Уссурійскій край съ превосходными бухтами и гаванями, а также съ неистощимыми запасами каменнаго угля на о-вѣ Сахалинѣ, мы овладѣли, наконецъ богатой окраиной, прилежащей къ незамкнутому Японскому морю. Мы пока остановились, удовлетворенные сравнительными качествами Владивостокскаго порта. Намъ казалось, что мы достигли уже прочнаго базиса, опираясь на который Россія можетъ, будто-бы, смѣло направить свои морскіе силы на энергичную борьбу съ врагами, грозящими захватить въ свои хищническія руки воюющую гегемонію...

Такъ рассуждая, наши государственные дѣятели были правы въ извѣстной мѣрѣ...

Дѣйствительно, укрѣпившись въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, Россія мирно отвоевала полуоткрытую дверь въ Тихій океанъ, дверь, которую тщетно мы стараемся прорубить во враждебной намъ Европѣ, справедливо описанной богатейшаго роста великой славянской державы. Никто не станетъ также отрицать, что только съ крайняго востока мы можемъ угрожать англійскимъ колоніямъ и торговлѣ, находящимся въ сферѣ этого дальняго побережья. Мы говоримъ „англійскимъ“ потому, что преимущественно интересы Великобританіи, въ силу странныхъ обстоятельствъ, постоянно сталкиваются съ нашими на всѣхъ пунктахъ земного шара, куда-бы не обратила Россія своего честнаго, гуманнаго взора.

Нельзя сомнѣваться, кромѣ того, въ томъ, что нашъ далекій Востокъ, даже при настоящихъ условіяхъ, обладаетъ всеми данными для широкаго

развитіи крейсерскаго флота. Это особенно хорошо сознають англичане, которые много указывали своему правительству на грозовую тучу, неожиданно скопившуюся вблизи Китайскаго моря—центра многомилліонной англійской торговли.

Тѣмъ не менѣе наша національная миссія на берегахъ Великаго океана не кончена. Намъ остается еще „*хочетъ*“ сдѣлать для утвержденія своего владычества на дальнемъ Востокѣ, а что именно—мы попробуемъ, хотя отчасти, выяснить въ прилагаемыхъ ниже политическихъ этюдахъ. Насколько успѣемъ въ своемъ намѣреніи—разсудятъ тѣ, въ чьи внимательныя руки попадетъ наша литературная лепта.

А. И. Максимовъ.

С.-Петербургъ,
Октябрь 1894 г.

I.

Первыя сношенія Россіи съ Китаемъ начались въ половинѣ XVII столѣтія, когда горсть отважныхъ казаковъ присоединила къ русскимъ владѣніямъ обширный Амурскій край. Сорокъ лѣтъ сряду, русскіе были полными хозяевами всего теченія рѣки Амура, сплавливали по ней въ Охотское море товары, основали въ разныхъ ея пунктахъ остроги и земледѣльческія поселенія. Маньчжуры, уstraшенные геройскими подвигами казаковъ, ихъ непоколебимымъ мужествомъ и отвагой, присмирѣли и выжидали только случая избавиться отъ непрощенныхъ воинственныхъ сосѣдей. Случай этотъ представился въ скоромъ времени.

Въ смутный періодъ правленія царевны Софіи, связь между метрополіей и обширнымъ, вновь пріобрѣтеннымъ краемъ порвалась. Горсть казаковъ была представлена собственнымъ слабымъ силамъ. Маньчжурскіе полчища воспользовались случаемъ и осадили нашъ оплотъ на Амурѣ — городъ Албазинъ, павшій въ 1685 году, послѣ геройской защиты. Паденіе Албазина вызвало тяжелый для Россіи Нерчинскій трактатъ, заключенный въ 1689 году Головинымъ, присланнымъ въ Нерчинскъ изъ Москвы. Въ силу этого несчастнаго трак-

тата, вынужденнаго насиліемъ Маньчжуръ, Амурская область была уступлена Китаю, городъ Албазинъ, только-что возобновленный послѣ погрома 1685 года, разоренъ до основанія, и русскіе переселенцы возвращены въ Забайкалье. Однимъ взмахомъ пера Россія потеряла все, что приобрѣла послѣ многолѣтняго, настойчиваго, геройскаго движенія къ Тихому океану. По поводу этого тяжкаго трактата, старая сибирская лѣтопись съ горечью говоритъ: „Россіяне несправедливымъ образомъ, перемогающею силою непріятелей, съ Амура вытѣснены и, что еще несправедливѣе, насильственнымъ мирнымъ заключеніемъ рѣка Амуръ за китайцами осталась“.

Болѣе полутораста лѣтъ отношенія Россіи къ Китаю носили отпечатокъ этой крупной неудачи. Богдоханъ почитался нами столь же могущественнымъ, какъ и султанъ въ бывшее, старое время. Верховъ разума въ русской политикѣ считалось искусство не раздражать этого баснословнаго властелина, считавшаго русскаго царя своимъ вассаломъ. Видя нашу постоянную уступчивость, Китай убѣдился въ своемъ мнимомъ могуществѣ и былъ увѣренъ въ нашей политической слабости. Высокомѣріе богдоханскаго правительства достигло необычайныхъ предѣловъ. Наши торговые интересы страдали, просьбы оставались безъ удовлетворенія; всѣ представленія русскаго правительства не удостоивались даже отвѣтомъ; посольства наши терпѣли всевозможныя униженія, дерзости и возвращались ни съ чѣмъ. Между тѣмъ, всего за двадцать лѣтъ до несчастнаго Нерчинскаго трактата, русское имя окружалось въ Китаѣ ореоломъ величія и непобѣдимаго богатства. Послы-казаки, отправленные въ Китай начальникомъ Нерчинскаго острожка Данилой Аршинскимъ, въ 1670 году, гордо стояли передъ могущественнымъ богдоханомъ въ шапкахъ, говорили смѣло и, не стѣсняясь, предлагали „Богдойскому царю искать милости и жалованья у россійскаго царскаго величества, учиниться

подъ высокою его царскаго величества рукою и давать дань великому россійскому государю“...

Все это обаяніе русскаго имени рушилось тотчасъ же послѣ заключенія оскорбительнаго для нашей національной гордости Нерчинскаго трактата.

Попытки Петра Великаго установить болѣе правильныя торговыя сношенія съ Китаемъ не привели ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ. Китайскіе императоры смотрѣли на Россію съ недосыгаемой высоты своего богдоханскаго величія и нерѣдко грозили ей войной, какъ только исполненіе ихъ требованій, иногда самыхъ дерзкихъ и безсмысленныхъ, нѣсколько затягивалось. При этомъ, они не находили, съ своей стороны, нужнымъ снисходить „къ мольбамъ“ русскаго правительства, считая такое снисхожденіе „къ варварамъ“ униженіемъ богдоханскаго величія. Только въ 1728 году правительство „могущественнаго Дайцинскаго государства“ снизошло наконецъ „на усиленные покорныя“ просьбы Россіи и заключило въ Кяхтѣ договоръ, положившій основаніе нашимъ торговымъ сношеніямъ съ Китаемъ. Впрочемъ, эти сношенія были крайне непрочны. Они нерѣдко прерывались разными размоляками, въ родѣ побѣга въ Россію (въ 1756 г.) джунгарскаго хана Амурсаны, подавшаго Китайскому правительству поводъ прекратить торговыя сношенія, допущенныя кяхтинскимъ договоромъ на шесть лѣтъ. При этомъ русская миссія въ Пекинѣ была заключена въ тюрьму.

Въ 1785 году возникли новыя недоразумѣнія, вслѣдствіе грабежа нашихъ бурятъ, послужившія поводомъ къ новому прекращенію торговли въ Кяхтѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, русское правительство преклонялось предъ дерзкими китайскими требованіями почти безпрекословно, опасаясь раздражить высокомерное богдоханское правительство. Тѣмъ не менѣе Россія хлопотала о новомъ торговомъ трактатѣ, въ виду крайней неопредѣленности Кяхтинскаго договора. Въ 1792 году

правительство богдохана вновь снизошло на „усиленные смиренныя“ просьбы Россіи и подписало новый торговый договоръ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Великій святѣйшій государь (Китая), милосердствуя единообразно о всѣхъ живущихъ, соизволилъ ясно рассмотреть благосклонное прошеніе россійскаго сената, единожды оказалъ небесную милость, ниспослалъ милостивый указъ объ открытіи торга на Кяхтѣ“.

Мы невольно преклонились предъ подобнымъ дикимъ высокомеріемъ китайскаго правительства и, заведя новыя торговыя отношенія, покорно выносили грубый произволъ китайскихъ чиновниковъ, тормазившихъ всѣми силами правильное исполненіе заключеннаго договора. Русскіе торговые люди подвергались всевозможнымъ притѣсненіямъ и терпѣли большіе убытки, вслѣдствіе постоянного нарушенія пунктовъ договора со стороны китайцевъ.

До начала пятидесятыхъ годовъ, русское правительство терпѣливо сносило высокомеріе Китая, держалось оскорбительной для національной гордости политики приниженного заискиванья и не рисковало беспокоить богдоханское правительство самыми законными просьбами. Только въ 1851 году Россіи удалось заключить въ Кульджѣ новый торговый договоръ и получить дозволеніе на устройство торговыхъ факторій въ Кульджѣ и Чургучакѣ. Заключеніе этого договора прошло безъ особенныхъ затрудненій, благодаря жестокому удару, нанесенному высокомерію Китайскаго правительства англичанами, въ началѣ сороковыхъ годовъ. Послѣ короткой борьбы съ Англіей, Китай былъ принужденъ заключить съ послѣдней унижительный Нанкинскій договоръ (въ 1842 году), по которому заплатилъ 28 милл. рублей контрибуціи, уступилъ островъ Гонгъ-Конгъ и открылъ для европейской торговли пять портовъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ положеніе Китая еще болѣе ухудшилось: ему приходилось вести, одновременно, тяжелую борьбу не только съ внѣшними врагами,

французами и англичанами, но и съ внутренними—мятежниками тайпингами. Этотъ моментъ оказался чрезвычайно удобнымъ для разрѣшенія жгучаго амурскаго вопроса и другихъ, накопившихся за прежнее время, недоразумѣній.

Благодаря появленію новаго политическаго дѣятеля, Н. Н. Муравьева (впослѣдствіи графа Амурскаго), хорошо понявшаго какъ надо держать себя съ высокомернымъ и, въ то же время, крайне перфшительнымъ, трусливымъ китайскимъ правительствомъ, нашъ слабый уступчивый, полный заискиванья и перфдко даже лишенный достоинства образъ дѣйствій неожиданно измѣнился въ рѣшительный, настойчивый, энергичный. Генераль Н. Н. Муравьевъ, ознакомившись съ характеромъ китайцевъ, пришелъ къ заключенію, что лучший способъ дѣйствія съ этимъ двуличнымъ народомъ—самая упорная настойчивость, опирающаяся на силу. Онъ отлично зналъ, что китайцы легко доходятъ до дерзости, когда видятъ, что боятся ихъ раздражить, и дѣлаются робкими и уступчивыми, при должномъ проявленіи силы, достоинства, энергіи и настойчивости. Новый дѣятель на поприщѣ нашей политики съ Китаемъ хорошо раскусилъ народъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло. Проявляя необыкновенную рѣшительность въ своихъ дѣйствіяхъ, настойчивость въ требованіяхъ и энергію при устраненіи всѣхъ лежавшихъ на пути препятствій, генераль Н. Н. Муравьевъ разомъ поднялъ на крайнемъ Востокѣ, совершенно стертое временемъ, обаяніе русскаго имени, быстро достигъ неожиданнаго и безпримѣрнаго успѣха. Замѣчательно, что генераль Н. Н. Муравьевъ рѣшился покончить съ амурскимъ вопросомъ въ самое критическое для Россіи время, когда, имѣя уже дѣло съ сильнѣйшими врагами, ей должно было быть особенно осторожной съ сосѣднимъ государствомъ, имѣвшимъ съ ней болѣе пяти тысячъ верстъ общей границы и находившимся, кромѣ того, уже подъ вліяніемъ нашихъ европейскихъ вра-

говъ. Занятіемъ Амура въ эту самую минуту, Н. Н. Муравьевъ указалъ тотъ «единственный способъ дѣйствій, который можетъ имѣть успѣхъ при сношеніяхъ съ Китаемъ.

И такъ, съ 1854 года Амуръ снова сдѣлался русской рѣкой. По ней пошло движеніе вверхъ и внизъ; на берегу ея, посреди земель, считавшихся еще китайскими, явились русскія селенія, склады провіанта и казеннаго имущества. Уже въ 1857 году водворено было по верхнему теченію Амура 450 семействъ. Китайцы, по всей вѣроятности, сочли-бы такую колонизацію нарушеніемъ мирныхъ условій, но у нихъ были уже связаны руки: Франція и Англія вновь отвлекли ихъ вниманіе въ противоположную сторону.

Такимъ образомъ, генералъ Н. Н. Муравьевъ, воспользовавшись внѣшними и внутренними затрудненіями Китая, вновь овладѣлъ обширнымъ Амурскимъ краемъ, овладѣлъ безъ выстрѣла, безъ всякихъ жертвъ со стороны государства, показавъ только нашу незначительную, военную, сибирскую силу.

Въ 1858 году генералу Н. Н. Муравьеву удалось заключить съ княземъ И-Шань Айгунскій трактатъ, освятившій приобрѣтеніе обширной территоріи, фактически уже принадлежавшей Россіи съ 1854 года. Въ ст. первой этого трактата сказано: «Лѣвый берегъ рѣки Амура, начиная отъ рѣки Аргуни до морского устья Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый берегъ, считая внизъ по теченію до Уссури, владѣніемъ Дайцинскаго государства. Отъ рѣки Уссури далѣе, до моря, находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дайцинскаго и Россійскаго государствъ. По рѣкамъ Амуру, Сунгари и Уссури могутъ плавать только суда Дайцинскаго и Россійскаго государствъ».

Подписывая Айгунскій трактатъ, подъ давленіемъ страшныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ неурядицъ, ки-